

Центр и периферия: между ростом и развитием

ЕЛЕНА ТРУБИНА

ЕЛЕНА ТРУБИНА. Доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии Уральского государственного университета. Адрес: К-83, 51 пр. Ленина, 620083 Екатеринбург, Россия. E-mail: elena.trubina@gmail.com.

Ключевые слова: отношения центр–периферия, региональное неравенство, столица и провинции, теории глобализации, культурное предпринимательство, неравномерное развитие.

В своей статье автор проводит параллель между некоторыми теориями глобализации, которые затушевывают неизбежность неравномерного развития регионов мира и российским нарративом, легитимирующим углубление тако-го диспропорционального развития внутри страны. Непропорциональная доля роста столицы–центра по сравнению с иными регионами должна быть либо как-то объяснена населению, либо скрыта. В результате аргументы, сложившиеся для объяснения неравномерного развития мира, используются во внутрirosсийских дискуссиях. На материале публикаций 2010–2012 годов автор показывает, как темой неравномерности развития проникнуты дискуссии в онлайн-медиа и социальных сетях, соединяясь с вековыми сетованиями о культурном расколе страны. Обсуждение политических нюансов отношения центра и регионов содержит элементы неоллиберальной логики — обвинение жертв структурных противоречий в их собственных проблемах.

CENTER AND PERIPHERY: BETWEEN GROWTH AND DEVELOPMENT

ELENA TRUBINA. PhD, Professor of the Social Philosophy chair at the Department of Philosophy of the Ural State University. Address: K-83, 51 Lenin Ave., 620083 Ekaterinburg, Russia. E-mail: elena.trubina@gmail.com.

Keywords: center–periphery relations, regional inequality, capital and province, globalization theory, cultural entrepreneurship, uneven development.

In her article the author draws a parallel between some globalization theories that blurs over the inevitability of uneven development of world regions and Russian discursive output, i. e. those narratives that legitimate the extension of uneven development within the country. The non-proportional share in growth of capital–center comparing to other regions should be somehow explained to people or suppressed. As a result those arguments to explain the uneven world development are used for interpretation of processes within Russia. Based on publications of 2010–2012 years the author shows the infiltration of uneven development topics to online media and social networks debates combined with age-old aspirations of cultural unity of the country. Discussing the political details of the center–periphery relations connects with capitalness/provinciality discourse. Those discussions include some elements of neoliberal logic—accusing the victims of structural contradictions in their own problems.

Экономика стала фаустовской:
гиперразвитие зависит
от искусственного недоразвития;
гигантская глобальная бюрократия
занята закреплением равновесия —
в колоссальном ине/яне — между
пространством мусора и гольфом...

*Рем Колхас*¹

«ВРЕМЕННАЯ Европа не имеет ни малейшего представления о том, вокруг каких ужасных решений делает круги моя мысль и все мое существо, к какому колесу проблем я привязан...»² — писал другу измученный болезнью Ницше. Он следовал обыкновению считать, что автором что-то говорит и оттого тот не волен отказаться от своей миссии, не волен не творить. Образ колеса проблем, что, вращаясь, побуждает к обсуждению того или сего, — из ряда сильных и преследующих. Он всплывает в сознании и тогда, когда все новые поколения и культурные группы, упорно возвращаясь к тем или иным темам, словно совершают один за другим некие повороты. Тема связи центра и периферии кажется одной из таких тем³. «Москва-Москве-Москвой» — вздох тоски и ненависти (реже любви), различимый и в академических текстах, и в сетевых дискуссиях, погружает в сплетение мизантропии и бессилия. Образ огромного пространства, которое невозможно окультурить, отсылает к истории Российской империи и ее наследия. Констатации сверхцентрализации (эвфемизм нарастающего авторитаризма) фиксируют политическую данность.

1. Koolhaas R. Junkspace // October. 2002. № 100. P. 187.

2. Ницше Ф. Письма / Сост. и пер. И. Эбаноидзе. М.: Культурная революция, 2007. С. 274.

3. Эта тема обсуждается давно и активно, но во время написания статьи (лето 2012 года) меня особенно интересовали, во-первых, тот поворот, что она приобрела после ослабления и подавления протестного движения (провинция ли виновата в том, что Россия продолжает ходить по политическому кругу?), и, во-вторых, то, как центр/столица и регионы/провинция фигурируют в телевизионной продукции, в частности в передачах канала НТВ. За год, что отделил написание статьи от ее публикации, канал стал «нерукопожатным», но думаю, что краткий разбор типичной для него продукции может быть все еще небезынтересным.

В предлагаемом тексте я хотела бы рассмотреть некоторые дискурсивные репрезентации центра и периферии сквозь призму глобальной неравномерности пространственного развития, в том числе городского. Дэвид Харви заметил, что «сильно разнится то, что может быть сказано в Сингапуре, Гонконге, Токио, Йоханнесбурге, Лондоне, Лидсе, Нью-Йорке и Каракасе»⁴. Отличается то, что может быть сказано, — в зависимости от политических обстоятельств, культурных традиций и сплоченности сообществ. Но то, что уже говорится в отношении центра и периферии, на Западе и в России совпадает. Оговорюсь только, что если в первом случае речь идет, так сказать, о мировой периферии, то во втором речь идет о периферии внутри страны. Я имею в виду переключки между описаниями не-западных стран в теориях глобализации и российскими культурными репрезентациями не-московского населения. Маститые западные социологи, к примеру Энтони Гидденс, главным препятствием на пути полноправного включения малоразвитых стран в круг стран развитых видят внутренние особенности этих стран: авторитарные режимы, угнетение женщин и прочее⁵. Немалое число российских культурных «посредников» (термин П. Бурдьё) и просто членов образованной публики видят причины нарастающей международной маргинализации России в «не-Москве», то есть в российских регионах и их недотягивающем до стандартов населении. Я понимаю, что эта аналогия не полная уже хотя бы потому, что если Гидденс и другие критикуют правительства, то в российских дискуссиях последнего времени (2011–2012 годы) региональные и городские правительства нестоличных городов отошли на задний план по сравнению с качеством, так сказать, обитающего на этих территориях человеческого материала. Но в ее систематическом воспроизводстве можно найти дополнительное доказательство не столько пресловутой российской специфики, сколько параллелей в отношениях населения, правительств и культурных посредников между ними в развитом западном мире и России.

НЕРАВНОМЕРНОСТЬ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Неравномерность российского пространственного развития и в целом различия между местами и городами должна, с моей точки зрения, быть рассмотрена не только как наследие истории,

4. *Harvey D.* Editorial: The Geographies of Critical Geography // *Transactions of the Institute of the British Geographers*. 2006. № 31. P. 409.

5. *Giddens A.* *The Third Way and its Critics*. Cambridge: Polity Press, 2000.

но как единственно возможный при капитализме способ связи между местами. Не вдаваясь в дискуссии по поводу того, какой у нас капитализм, подчеркну лишь, что организация пространства любого крупного российского города уже ведется в соответствии с капиталистической логикой: одни места джентрифицируются⁶, другие разрушаются, и все мы понимаем, что никаких средств не хватит, чтобы все привести в порядок. Мыслить пространство реляционно, то есть сквозь призму отношений между местами, — задача, которая была успешно решена в анализе внутригородского развития западными урбанистами. Иерархия городов также обсуждается, но в рамках огромного поля глобальных и глобализующихся городов⁷. Появляются выразительные тексты, показывающие, в силу каких обстоятельств расплзающиеся мегаполисы третьего мира обречены оставаться у подножия глобальной пирамиды городов⁸. Реляционное же осмысление межгородских отношений внутри той или другой страны на Западе тоже ведется, но без той остроты, что присуща нашим дискуссиям. Красноречивой деталью интернет-поиска является то, что на запрос «*capital cities*» *Google* и другие поисковые машины выдают куда больше ссылок о капитале в городах, нежели о столичных городах как таковых. Столицы, в особенности глобальные города, «поднялись» в результате мирового капиталистического разделения труда, сконцентрировав максимум финансов и прочих ресурсов. Это относится и к городам российским, где центр стоит понимать прежде всего как источник специфически концентрируемых и распределяемых ресурсов.

Капиталистическое разделение труда увязывает и отличает друг от друга города посредством весьма жестких процессов. Эту жесткость хорошо схватывает метафора американского марксистского географа Нила Смита: он сравнивает пространственную дифференциацию с движением качелей, представляющих собой уравновешенную в центре доску. Если один конец этих качелей идет вверх, то другой — вниз. Подъем одних мест (городов, регионов, стран) сопровождается спуском/отставанием других⁹. И в эту мировую сеть взаимоувязанных неоли-

6. Пояснение термина и демонстрацию глобального характера джентрификации, включая Россию, можно найти среди прочего в: Трубина Е. Город в теории. Попыты осмысления пространства. М.: НЛО, 2011. С. 228, 246, 295–308, 394, 508.

7. *Cities in Globalization. Practices, Policies and Theories* / P. J. Taylor, B. Derudder, P. Saey, F. Witlox (eds.). L.: Routledge, 2006.

8. *Robinson J. Ordinary Cities. Between Modernity and Development*. L.: Routledge, 2006.

9. *Smith N. Uneven Development: Nature, Capital and the Production of Space*. University of Georgia Press, 1984.

беральной глобализацией мест включены российские города. Подчеркну три самых важных связанных с этим обстоятельства. Во-первых, крайности сверхцентрализации, от которых, безусловно, страдают регионы и города России, должны быть рассмотрены в связи с неолиберальной эволюцией отношений федеральных правительств развитых капиталистических стран со своим народом и территориями. Технократический менеджмент — повсеместно преобладающий стиль правления, а популистский консенсус достигается при помощи массмедиа, организующих «участие» в принятии решений и упрощение нравов публики. Во-вторых, публичная сфера находится под угрозой, а продуктивная политическая вовлеченность граждан сложно достижима и в Нью-Йорке, и в Лондоне. В-третьих, идеальные представления об отношениях между гражданами и обществом (в частности, гражданскими обязательствами) меняются при неолиберализме потому, что он экономическое неравенство и предрассудки, основанные на различных вариантах идентичности, вытесняет в частную сферу, делая их личной проблемой. Идеологически успех индивида здесь изображается как зависящий лишь от его продуктивности, так что какие-то социальные и культурные отличия становятся нерелевантными.

Образуя стержень неолиберальной глобализации, неравномерность и тесно связанное с нею неравенство активно обсуждаются и оспариваются жителями многих городов глобальных Севера и Юга. В России в последнее время — в связи с протестами против нечестных выборов и их ослабеванием — темой неравномерности развития проникнуты дискуссии в онлайн-медиа и социальных сетях, продолжающие вековые сетования о культурном расколе страны. Обсуждение политических нюансов отношения центра и регионов соединяется с разговорами о столичности и провинциальности. Гипотеза, согласно которой российское население характером своего голосования обрело страну на день сурка, оживляет не вполне доброжелательный интерес к тем, кто живет вне столицы. Украшенный фотографиями открытых на обед рыбных консервов и удручающе бедный событиями блог молодого безработного из Оренбурга, выдержки из которого поместил сайт *Colta.Ru*, сопровождался на форуме журнала комментариями о том, что так живут миллионы людей¹⁰. Имена Светы из Иванова, особенно после того как стала разворачиваться ее телевизионная карьера, и полпреда Холманских из Нижнего Тагила стали эмблемами не только сомнительных кадровых решений нового режима, но и, опять, российских

10. Сковорода Е. Русский градус // *Colta.Ru*. 10.08.2012. URL: <http://www.colta.ru/docs/3932>.

«миллионов». Фотографии обтянутых пестрым трикотажем корпулентных женщин, угощающихся пивом на набережной Магнитогорска с дымиющимися трубами металлургического комбината на заднем плане, рожают сварливые дискуссии о том, только ли эти люди оставляют желать лучшего или вся страна в целом, а чаще просто выразительные реплики «м-да...»¹¹.

С одной стороны, негативные либо амбивалентные территориальные и культурные стереотипы, выражаемые в этих дискуссиях, повсеместны в мире: итальянцы-северяне и итальянцы-южане, немцы восточные и немцы западные также замечены в далеко не дружественных настроениях по отношению друг к другу. Такие стереотипы в изобилии зафиксированы (вместе с примерами эквивалентов выражения «понаехали»), к примеру, в замечательном словаре городского сленга *Urban Dictionary*¹². С другой стороны, помимо рефлексии неизбежных для такой большой страны отличий в установках людей по поводу выборов, онлайн-дискуссии о России после выборов 2012 года включают, повторюсь, отсылки к исторически воспроизводимому культурному расколу страны. В описаниях российского большинства как агрессивного, следующего простым либо традиционным схемам мышления и поведения, воспроизводятся разнообразные эссенциалистские установки, соединяющие географическую удаленность от центра с цивилизационной отсталостью.

Однако то, как подобная проблематика обсуждается в масс-медиа и особенно телевидением, убеждает, что эти отсталость, черно-белое мышление и враждебность, скорее, конструируются и поощряются в полном соответствии с неолиберальной логикой — обвинения жертв структурных противоречий в их проблемах. Проблемы бедности, обездоленности, депрессивности жизни не ставятся центральными телевизионными каналами и газетами так, чтобы рассмотреть их множественные причины и целый спектр их социальных последствий. Иными словами, при рассмотрении обширной дискурсивной продукции, посвященной отношениям центра и периферии, что существует и активно пополняется в России, есть смысл инициировать «социодиагностическую критику», состоящую, по словам Рут Водак, «во включении коммуникативных и интерактивных структур дискурсивного события в более широкую рамку социальных и политических отношений, процессов и обстоятельств»¹³.

11. См. URL: <http://drugoi.livejournal.com/3757932.html>.

12. См. URL: <http://www.urbandictionary.com/define.php?term=hillbilly>.

13. Wodak R. Discourse and Politics: The Rhetoric of Exclusion // The Haider Phenomenon in Austria / R. Wodak, A. Pelinka (eds.). New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 2002. P. 177.

Эта рамка, разумеется, не статичная, поэтому осмысление трансформаций и стагнаций российских городов в сравнении с глобальным урбанистическим настоящим рождает множество вопросов. Приведу такой пример. Замечательный российский географ Наталья Зубаревич предлагает разобраться в национальном «векторе развития и перемен», выделив «четыре России», опираясь с оговорками на модель соединения центра и периферии, в которой положение населенного пункта по отношению к центру обуславливает социальные отличия его населения¹⁴. «Первая Россия» образована самыми большими городами — «лидерами постиндустриальной экономики», прежде всего «сервисной», — и передовым стилем жизни населения. «Вторая Россия» включает промышленные города с населением, не свободным от «советского образа жизни», что усугубляют институционально обусловленные сложности организации малого бизнеса. «Третья Россия» — периферия, состоящая из «депопулирующих малых городов и поселков с сильно постаревшим населением». «Четвертая Россия» — республики Северного Кавказа, Тыва и Алтай, в которых живет молодое патриархальное безработное население, обреченное за взятки покупать рабочие места в бюджетном секторе либо включаться в теневую экономику.

В проведенном географом анализе перспективы «изменения политической погоды» справедливо связываются с высокообразованным и хорошо зарабатывающим населением больших городов, а население городов поменьше характеризуется как слишком зависящее от «колеи предыдущего развития». Чем глубже, так сказать, эта колея, тем более традиционалистски, «советски» и «индустриально» мыслит население. При этом, когда дело доходит до источников развития, в тексте идет речь по преимуществу о постиндустриальной экономике и решительности, с какой преодолевается бывшая индустриальная ориентация тех или иных городов (упоминается и изобретательный торг региональных элит с федеральными). В связи с этим возникают две следующие проблемы: шансы преодоления большинством российских городов зависимости от предыдущего пути развития (Зубаревич использует термин «колея») и необходимость учета уроков западной постиндустриальной урбанизации. Что касается первого, то, с моей точки зрения, изобретательности местных элит и продвинутости местного населения (два фактора постиндустриального развития, выделенные Зубаревич) недостаточно

14. Зубаревич Н. Современная Россия: география с арифметикой // Отечественные записки. 2012. № 2. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/1/sovremennaya-rossiya-geografiya-s-arifmetikoy>.

для того, чтобы справиться с крайней фрагментированностью системы российских городов. Новые советские города, как известно, были построены без учета расстояний и транспортных расходов. Избранные советскими центральными планировщиками варианты разделения труда между городами и отраслями ориентировались, скорее, на вероятность новой войны, нежели на экономическую логику. Сегодня очевидна крайняя сложность устойчивого развития городов Севера, Сибири и Дальнего Востока, построенных в этих регионах без какого бы то ни было учета рыночных тенденций, спроса на жилье и пр.

Вторая проблема — необходимость учета уроков западного постиндустриального городского развития — осложняется тем, что драматичная постиндустриальная трансформация городов Запада далеко еще не завершена. Здесь есть свои лидеры и свои аутсайдеры, но в географическом и урбанистическом анализе, осуществляемом западными коллегами, те и другие объединены как победители и побежденные¹⁵. Поэтому, когда у нас «постиндустриальные» столица и несколько крупных городов противопоставляются индустриальным и малым городам в качестве модели успешного развития, непонятно, исходят ли авторы таких противопоставлений из того, что постиндустриальность — единственный возможный вектор развития? Если да, то в чем можно почерпнуть уверенность в том, что постиндустриальная траектория развития российских городов может распространиться на те, в которых сервисная экономика пока отсутствует? За счет каких ресурсов? Как это может произойти в условиях, когда глобальные центры капиталистической мировой системы уже сложились? Предусматривается ли, что рост одних будет строиться на недофинансировании других — как в пределах страны в целом, так и в каждом отдельно взятом городе? И, говоря о сервисной экономике, может быть, есть смысл и на нее смотреть дифференцированно, отличая потребительский сервис и сервис производящий¹⁶? Тогда станет яснее, что в успешных

15. К примеру, применительно к городам глобального Юга английский урбанист Мэтью Ганди описывает эту связь как «усилившиеся циклы капиталовложений и их отсутствия» и зависимость «волн инвестиций» в городе от политической нестабильности, непредсказуемости государственного финансирования и последствий стремительного обесценивания денег. Так, Лагос отмечен разрушающимися инфраструктурными сетями, построенными в 1970-е на нефтяные деньги, окруженные вулканическим взрывом неформального города» (*Gandy M. Zones of Indistinction: Bio-Political Contestations // Cultural Geographies. 2006. №13. P. 508*).
16. *Sassen S. The Mobility of Labor and Capital: A Study in International Investment and Labor Flow. New Rochelle, NY: Cambridge University Press, 1990. P. 135–152.*

городах Европы и Америки концентрируются и базирующийся на знаниях сервис, и базирующаяся на знаниях промышленность. Если в Европе рабочие места концентрируются в базирующихся на знаниях сервисе и промышленности¹⁷, а в России самые доступные вакансии — в (широко понимаемой) торговле, то получается, что «постиндустриальность» в качестве основного вектора российского урбанистического развития нужно мыслить с большим количеством оговорок. Более того, в анализ отличий между городами и регионами стоит включать тот момент, что переход от индустриальных к постиндустриальным экономикам сопровождался новым типом социальной поляризации в самых благополучных городах и возникновением крайне сегрегированного рынка труда: с одной стороны, хорошо оплачиваемых высокообразованных работников финансового сектора, недвижимости, страхования, хай-тек отраслей и, с другой стороны, работников малооплачиваемых, «гибких» (то есть без контракта и льгот) форм занятости в потребительском сервисе. Как подчеркивает Лоик Вакан, «постиндустриальная модернизация ведет, с одной стороны, к умножению рабочих мест, требующих высокой квалификации технического персонала и профессионалов с университетским образованием, а с другой — к депрофессионализации малообразованных работников и полному исчезновению миллионов рабочих мест для них»¹⁸. Тогда, если мы вспоминаем тот очевидный факт, что огражденность от потрясений одних и полная незащищенность других сочетаются в любом городе, не стоит ли центр/периферию осмыслить как отношения доминирования и подчинения? Последние очень многолики: они включают и глобальное/локальное, внутреннее/внешнее, гомогенное/фрагментированное. В этой связи возникает другой вопрос: до какой степени в обсуждении неравномерности российского пространственного развития необходимо учитывать разворачивающийся во всем мире критический пересмотр источников роста и того, что Дэвид Харви назвал извлечением богатства из земли всеми обманчивыми способами?¹⁹

Обсуждение далее неравномерности пространственного развития в России я веду, имея в виду тот очевидный факт, что не всякий рост городов имеет отношение к развитию их населе-

17. Krätke S. The Metropolization of the European Urban system in the Era of Globalization // *Cities in Globalization*. P. 150–180.

18. Вакан Л. Городская маргинальность грядущего тысячелетия // *Неприкосновенный запас*. 2010. № 2 (70). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/va24.html>.

19. Харви Д. Речь перед участниками движения *Occupy London* 12 ноября 2011 года. URL: <http://occupylondon.org.uk/david-harvey-speaking-to-occupy-london/>.

ния. В России сомневаться в нужности роста городов тем более сложно, что в обсуждениях нашего внутреннего и глобального положения развитие и рост смешиваются. Города активно растут в результате деятельности девелоперов²⁰, но развиваются ли они при этом? И если да, то в каком направлении и за чей счет? По количеству торговых площадей (относящихся к сервисной экономике, на которую в разбираемом мною анализе Н. Зубаревич возлагаются надежды) многие города-миллионники бьют рекорды, но сколько новых рабочих мест при этом создается? Связь между «постиндустриализацией» и политизацией населения, проводимая Н. Зубаревич, также совсем не очевидна: если мы судим о политизации и активности населения по тому, какое число жителей вышло на митинги, то летом 2012 года отнюдь не Москва побила национальный рекорд²¹.

Говорить о том, что рост плох, двусмыслен и чреват абсурдной растратой ресурсов в стране, где столько всего неразвитого, — значит сомневаться в том, что эта неразвитость когда-то может быть преодолена. Но что именно понимать под преодолением неразвитости в век, когда развитие, его критерии и возможности более тесно увязаны с богатством, чем когда-либо? Как перераспределять богатство страны в пользу «недоразвитых» регионов и городов, если его и для развитых не хватает: дефицит городских бюджетов роднит столицы и не-столицы? И как быть с ностальгией по скорости и надежности советского роста, пусть и насильственного: не он ли символизировал возможность альтернативы капитализму и гарантировал военное преимущество? Если советский рост был не лишен насильственности, то постсоветский, считается, нуждается в стимулировании, к примеру, с помощью программ по стимулированию экономической активности, принимаемых в Москве и иных городах. Эти программы, в частности, предполагают снижение барьеров для бизнеса, тем самым и признавая, что рост понимается как экономический, и указывая на то, что не всякий и не всякого бизнеса рост происходит без барьеров. Рост (и позитивные коннотации, связанные с понятием роста, — от самореализации до преуспевающего) увязан в разнородное и двусмысленное

20. Этот термин — калька с английского *developer* (буквально «развиватель»), то есть бизнесмен, специализирующийся на строительстве и извлечении прибыли из объектов недвижимости, прочно прижился в деловом русском языке: *Google* дает свыше трех миллионов ссылок.

21. Сообщается, что в селе Новохопёрск из 6 тыс. жителей 5 тыс. (более 80%) вышли на митинг против добычи никеля в их районе. В Борисоглебске (население 60 тыс.) в митинге приняли участие 12 тыс. См.: Каримова А. Ху из наша оппозиция // Эхо Москвы. Блоги. 21.08.2012. URL: <http://echo.msk.ru/blog/karimova/921915-echo/>.

психолого-эмоциональное образование, которое условно можно обозначить как «все хорошее». В работе — прогрессистский нарратив, состоящий в данном случае в чем-то вроде следующего: «Нечто не росло и стагнировало, а потом стало быстро расти, дело пошло, и жизнь наладилась». Если в эту схему подставить вместо «нечто» город, то одинаково убедительно будет выглядеть и история социалистического роста, и история роста капиталистического. Примером первой может быть Челябинск: из уездного захолустья не строительством ли советских заводов был он преобразен в современный промышленный центр? Примером второй может быть... и вот здесь автор в затруднении: как среди российских городов найти тот, что свидетельствовал бы своим развитием именно о победе капитализма? Москва приходит на ум первой: дороговизна земли, особенно в центре, привела к тому, что «точечная» и иная застройка, нацеленная на скорейшее извлечение прибыли, поставила столу на грань инфраструктурного коллапса. Состояния сделаны и надежно размещены за рубежом, и это не их владельцы чертыхаются в пробках. При этом дискурсивная дымовая завеса серьезных последствий неравномерного роста включает многочисленные заверения в инновационности, прогрессивности, креативности российского центра.

ПРОДВИНУТЫЙ ЦЕНТР И НАРРАТИВ «ОБВИНИ ЖЕРТВУ»

Противоречия мирового развития рождают полярные и отнюдь не свободные от идеологии оценки. Поиск оснований для устойчивого и уравновешенного роста — это мантра всех правительств и надправительственных организаций вроде ВТО. В силу неизбежных в функционировании любых нарративов смещений смысла²² «устойчивое развитие», которое продвигают надправительственные организации в качестве ориентира мирового развития, противоречиво соединяется с пресловутой «стабильностью» как ориентиром развития в России. Российский Институт современного развития, уже своим названием свидетельствуя о том, что варианты развития возможны различные, в многочисленных документах противопоставляет его плохой вариант (стабильность) хорошему варианту (модернизации). Не нужно проводить специальных исследований, чтобы увидеть следующее: чем значительнее превалирование ста-

22. См., напр.: *Деррида Ж.* От экономики ограниченной к экономике всеобщей // *Деррида Ж.* Письмо и различие. М., 2000. С. 400–445.

бильности над модернизацией в России, тем активнее молодежь и хорошие профессионалы уезжают в другие страны, помогая снижать затраты на рабочую силу в Европе и Северной Америке. Изменение приоритетов по части занятости оставшихся в России людей создает предпосылки стабильных заработков их бывшим согражданам — сегодняшним трудовым мигрантам. Транснациональных факторов того специфического роста, которым отмечены российские города, больше, чем это обычно принимается в расчет. Как соединяются — в текстах и реальности — глобализация и модернизация? До какой степени в рефлексии и репрезентациях происходящего у нас задействованы западные схемы осмысления развития — городского и глобального?

Можно выделить две главные сложности описания связи российских городских тенденций с мировыми. Во-первых, это необходимость учесть различные масштабы, в которых разворачиваются эти процессы. Во-вторых, это непрозрачность нашего общества, усугубляемая неточной статистикой, что сообщает двусмысленность применению нарративов, описывающих капиталистическое развитие, к нашим реалиям. Сказывается и «методологический национализм»: доминирование установки, в соответствии с которой в описаниях того, что у нас происходит, главенствует государственно-национальная рамка. Осмысливая же отечественные города в контексте мирового их развития, мы точнее поймем, что сам характер последнего предполагает в том числе и блокирование развития некоторых городов. Развитие, в столицах интенсивное, а где-то полностью парализованное, так или иначе связано не только с корыстным и неравномерным распределением ресурсов отечественными правительственными структурами, но и с международным разделением труда между городами и странами. По-моему, предстоит еще много исследований того, каким именно образом внутри- и вненациональные факторы городского развития объединялись еще до перестройки, воплощались и в росте теневой экономики, и в умножении моногородов, и в диспропорциях снабжения. Рождались анекдоты о том, что социализм в России построен в Москве, а коммунизм — в Кремле, и неравный доступ к качественным западным товарам в этих оценках играл большую роль.

Постперестроечные процессы, среди которых активное «открывание» страны миру было самым главным, сложившуюся иерархию городов поколебали незначительно. Вывод, сделанный российскими географами о ситуации середины 1990-х («а российский кризис, как известно, усилил отрыв немногих преуспевших центров от дешевой для жизни, но безденежной перифе-

рии»²³), относится и ко второму десятилетию XXI века. Можно лишь добавить, что и периферия не столь дешева, как прежде. Отсюда — смущение, порождаемое в образованных головах фактом хождения страны по кругу. В данном случае этот круг образован драматичным соединением социально-географических данностей (большая страна) с историей неудачных модернизаций: от последних Романовых до начала XXI века развитие одних городов и их населения сопровождается застыванием жизни в других. Если развитие одних городов и секторов экономики до революции велось, среди прочего, за счет деревни, в СССР — за счет недофинансирования не относящихся к военно-промышленному комплексу секторов, то сегодня «имперские» приоритеты роста, реализуемые российским правительством, соединяются с динамикой рынка — рынка международного и рынка капиталистического. Обнаруживается, что описание иерархии городов Марксом вполне годится для описания воспроизводящихся преимуществ наших столиц и крупных городов:

...эта особенная легкость сообщений и ускоренный благодаря ей оборот капитала (поскольку он обуславливается временем обращения) вызывает <...> ускоренное развитие данного центра производства, а также упрочение его положения на рынках сбыта. Вместе с ускоренной таким образом концентрацией массы людей и массы капиталов в определенных пунктах возрастает концентрация этих масс капиталов в немногих руках²⁴.

Понятие неравномерного пространственного развития страны в этом случае должно мыслиться не только как часть ее «судьбы», но и как нормальная составная часть капиталистической модернизации. Использованное в «Капитале» для описания разрывов в темпах роста различных отраслей промышленности и социалистическими мыслителями начала XX века для характеристики мировой экспансии капиталистического способа производства посредством колониализма и империализма, это понятие легло в основу теории, которая стала активно разрабатываться критическими географами Нилом Смитом, Дэвидом Харви, Дорин Мэсси, Эдом Соджа с начала 1980-х годов. Не останавливаясь здесь подробно на этих теоретических результатах, подчеркну лишь, что именно динамика различных масштабов (шкал) пространственного развития интересовала

23. Нефедова Т., Тревиш А. Теория «дифференциальной урбанизации» и иерархия городов в России на рубеже XXI века // Проблемы урбанизации на рубеже веков / Отв. ред. А. Г. Махрова. Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 71–86.

24. Маркс К. Капитал. Т. 2 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24. С. 283.

ученых более всего. Они впечатляюще показали: в то время как городская жизнь стала нормой для более чем половины населения планеты, более одной шестой этого населения находится в движении, мигрируя туда, где их, как правило, не ждут. Поэтому неравенство в доступе к ресурсам людей и регионов социально и политически конструируется в глобальном масштабе. При этом обещание более или менее равномерного распределения между гражданами результатов городских реформ, вдохновлявшее людей в начале XX века, не только не было выполнено, но и пробуждает ностальгию по мере того, как города сегрегируются рынком и для рынка. Однако и различие между глобальной, национальной, региональной и городской «шкалами» развития — не столько географическая данность, сколько орудие и продукт процесса неравномерного пространственного развития при капитализме.

Этот непреложный факт (неизбежность неравномерности развития) надо либо объяснять населению, либо затушевывать его, создавая легитимирующие нарративы. Непропорциональная доля роста центра по сравнению с иными регионами должна быть объяснена либо спрятана. Ирония заключается в том, что есть немало общего в советском и либеральном нарративе развития: упование на технологию, промышленность и науку, следы утопизма (мировая экспансия социализма в одном случае и «справедливый курс» Трумэна в мировом масштабе). Огрубляя, можно сказать, что «продвинутость» центра и выступала основанием легитимации избранного курса. Если в либеральном нарративе Запад либо США часто фигурировали как образец и цель развития, то в советском на такую роль претендовал СССР. Если американские провинциалы стремились в Нью-Йорк, то российские провинциалы мечтали о Москве. «Традиционное/современное» и «развитое/неразвитое» составляли две главные оппозиции, на которых строились и либеральные теории модернизации незападного мира, и советские представления о периферии. «Неразвитое» и «традиционное» население нужно было надежно встроить в сложившийся порядок. Поэтому все разнообразие укладов, темпоральностей, нравов, политических коллизий смазывалось в дискурсивных репрезентациях теориями модерности двух цивилизаторских миссий: Запада по отношению к мировой периферии и Москвы по отношению к периферии имперской. Противоречивые результаты «догоняющего» повторения Россией отдельных стадий западного роста Запада были охарактеризованы в финале доперестроечного анекдота как «отстали навсегда», но это не мешало, по крайней мере риторически, претендовать на модернизацию имперской периферии.

«Рамочный» либеральный нарратив воспроизводился и модифицировался по мере того, как разворачивалась глобализация. Так, американские урбанисты в 1970-е годы обратились к исследованию городов третьего мира. Влияние холодной войны и необходимость «открыть» регион для мировой экономики проявились в тенденциозности их анализа: они увязывали слабый рост экономики в регионе и недостаточный политический «прогресс» с возможностью роста коммунистических настроений. Дискурс холодной войны включал и страхи: в частности, опасения, что бедные безработные обитатели городов составят социальную базу популистских или коммунистических диктаторов. Навязывание демократии и продвижение индустриализации в Латинской Америке, известной своими левыми движениями, сопровождалось рассмотрением всего континента как «кейса» общей теории модерности. Отсталость и бедность в городах третьего мира объяснялись личными недостатками их обитателей и культурными характеристиками региона²⁵. Иными словами, активно использовался аргумент «обвини жертву»²⁶.

Эта логика рассуждения (и эти нарративные схемы) нашла продолжение по мере того, как большинство правительств мира избирали неолиберальную политику. Отсталость Юга мыслилась не только как экономическая проблема для Севера, но как угроза его безопасности: транснациональные сети мигрантов, включаясь в неформальную экономику северных стран, ведут эффективную торговлю наркотиками и людьми. Неравные отношения между развитым Западом и отсталым оставшимся миром в теориях глобализации долгое время неправомерно мыслились как второстепенные. Неомарксистские теории неравномерного развития (*uneven development*) и зависимости, или низкого уровня развития (*underdevelopment*), восполнили этот недостаток. В них было показано, что развитие Запада было основано на эксплуатации либо на поддержании низкого уровня развития других регионов. Так, египетский марксистский экономист Самир Амин был одним из первых, кто оспорил тезис, что отсталость — не что иное, как запаздывание в развитии, и что отстающим странам для решения их проблем нужно лишь активнее включаться в международное разделение труда, следуя советам экономистов. Живя в стране, где «центр» ассоциируется прежде всего с федеральным правительством, интересно читать статью, в котором он подразделяет периферийный и централь-

25. Davis D. E. Cities in Global Context: A Brief Intellectual History // International Journal of Urban and Regional Research. 2005. Vol. 29. № 1. P. 94.

26. Выражение принадлежит социологу Уильяму Райану. См.: William R. Blaming the Victim. N.Y.: Vintage, 1976.

ный капитализм²⁷. Амин показывает, что в странах центрального капитализма накопление сбалансированно, потому что их развитие вращается вокруг производства конкурентоспособных товаров и поощрения потребления. В периферийном же капитализме основу экономики составляют производство на экспорт и потребление предметов роскоши, усиливая ее несбалансированность. Иными словами, даже если в отсталом мире и есть промышленное производство на экспорт, то оно никак не влияет к лучшему на неравновесную экономическую структуру. Казалось бы, очевидным рецептом для периферийных стран должны стать реструктуризация экономики, поощрение массового потребления, но Амин и другие теоретики низкого уровня развития показывают, что неравномерность встроена в само функционирование мировой капиталистической системы. В своих последних текстах, разбирая исход «арабской весны», он показывает, что именно адаптация египетским правительством неолиберальных рецептов и последовавшие за этим неудачи и привели к массовым выступлениям граждан в арабских странах, что обещания глобального капитала сократить бедность останутся «пустыми причитаниями», пока не будут проанализированы причины производства бедности и предложены альтернативы капитализму²⁸.

Тем не менее в магистральном неолиберальном нарративе отсталость изображается как проблема внутренняя для развивающихся стран: они не разработали дружественную по отношению к рынку политику, а это позволило бы им приспособиться к требованиям мировой экономики. Проглобализационная политика, то есть разворачивание рыночных реформ и сокращение роли государства в регулировании экономики, мыслится как главный ориентир, и все, что препятствует осуществлению рыночных реформ, понимается как препятствие развитию. Развитие ассоциируется с торжеством рынка, а отсталость — с его недостатком. В теории глобализации, как уже упоминалось, такой ход рассуждений ярко представлен прежде всего в работах Энтони Гидденса, посвященных «третьему пути». Его главный аргумент заключается в следующем: проблемы отсталости той или другой страны никак не связаны с глобальной экономикой либо с приоритетами богатых западных стран. Чрезмерная регуляция государством экономики со стороны авторитарного правительства, коррупция, разного рода конфликты, гендерное неравенство — таковы компо-

27. *Amin S. Accumulation and Development: A Theoretical Model// Review of African Political Economy. 1974. №1. P. 9–26.*

28. *Amin S. The Millenium Development Goals: a Critique from the South/Monthly Review. 2006. Vol. 57. №10. URL: <http://monthlyreview.org/2006/03/01/the-millennium-development-goals-a-critique-from-the-south>.*

ненты внутренней политики отстающих в развитии стран, в которых ряд теоретиков видят причину их отставания²⁹. Его критики справедливо указывают, что принципы диалогической демократии никак не осуществляются в реальной политике Запада по отношению к остальному миру, сколько бы рефлексивности и глобальной информации как предпосылок моральных действий правительств ни было в распоряжении обществ³⁰. Тем не менее издаются многочисленные тексты, полностью игнорирующие принципиальную иерархичность глобализации, то есть тот факт, что стремительное развитие одних регионов сопровождается стремительной маргинализацией других. Тезис «это сами общества (регионы, города, люди) и характер их собственного развития являются причиной отсталости» лежит в центре большого числа легитимирующих неолиберализм «эффективных» нарративов.

Такие нарративы создаются и продвигаются профессиональной группой, обозначенной Пьером Бурдьё в «Различениях» как «новые культурные посредники»³¹, то есть люди, вовлеченные в создание и циркуляцию символов как основы культурной экономики, прежде всего продюсеров культурных ТВ-программ, журналистов, писателей, занятых в рекламе и PR, дизайне и маркетинге. Знакомство с плодами работы ряда российских «культурных посредников» убеждает в том, что весьма циничные версии описания отношений развитых регионов с неразвитыми, только в данном случае внутри России, используются для отвлечения людей от проблем, связанных со структурными противоречиями общества и налагаемых ими ограничений на индивидуальное и коллективное действие. Если за пределами страны продуцируются нарративы, затушевывающие иерархичность глобализации, то внутри ее — нарративы, смягчающие грустную правду российской политики, состоящую в том, что «модернизация» также порождает чрезвычайно иерархичную структуру регионов, городов, городских кварталов. Их суть — обвинение «лузеров» (а такими могут быть территории, города и, конечно, люди) в бездействии и невзыскательных запросах. Этот ход мысли широко распространен и в российском обществе, что было умело использовано для конструирования сомнительного различия между Москвой и «регионами» в одном ток-шоу и нескольких публикациях, которые я кратко рассмотрю.

29. Giddens A. Op. cit. P. 129.

30. Mestrovic S. Anthony Giddens: The Last Modernist. N.Y.: Routledge, 1998. P. 215; Kiely R. Globalization and Poverty, and the Poverty of Globalization Theory // Current Sociology. 2005. Vol. 53. № 6. P. 895–914.

31. Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984. P. 325.

ТЕХНОЛОГИИ АФФЕКТА: «ЗАМКАДЫШИ», «НАТУРАЛИЗОВАННЫЕ МОСКВИЧИ» И ДРУГИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ

Массмедиа справедливо считают не только чем-то отражающим городской опыт, но и активно его конструирующим. «Факты передачи амбивалентны. Они представляют собой коллективную динамику, однако сотканы из межиндивидуальных отношений, таких как влияние, убеждение, конформизм, власть или же доверяя Тарду „зараза подражания“, — пишет Режи Дебре³², и я хочу воспользоваться его наблюдением для того, чтобы поговорить о крайне двусмысленном материале «разборок» по поводу центра и периферии. Замечу, что индивидуальные интервью на эту тему проводила и я (n = 24), они отмечены рассудительностью и более спокойным тоном, но констатации враждебности москвичей и не-москвичей по отношению друг к другу содержались в каждом из них. В каждом из них содержалось в более или менее явной форме и объяснение персональных состоятельности, продуктивности, особенности фактом проживания в столице. Таким образом проявляются и стереотипы, и проекции на других успешно реализованного жизненного сценария, и фрустрация от того, что привычный, родной либо «вымечтанный» город часто удручает скученностью, пробками, жлобством и многим прочим. Но я хотела бы на примере публичных «дразг» кратко обсудить роль массмедиа в формировании специфических типов восприятия пространственной неравномерности развития и социального неравенства, сопровождающих российскую иерархию городов.

В выпуске программы «НТВшники» под названием «Замкадыши», показанном на телеканале НТВ осенью 2010 года, ведущий, приведя известное утверждение, что Москва — это государство в Восточной Европе, со всех сторон окруженное Россией, провозгласил, что «физическим барьером, отгородившим столицу от всей России», стала Московская кольцевая автодорога (МКАД). Он также констатировал, что две части России по разные стороны дороги ненавидят друг друга. Это, по его словам, можно объяснить «принципом автобуса»: «Когда ты снаружи, ты хочешь внутрь. Но, когда ты внутри, ты не хочешь, чтобы кто-то еще входил». Участники ток-шоу, которых ведущий призвал подумать над тем, «как нам объединить страну: разрушить МКАД или перенести столицу куда-то еще?», были поделены им на следующие категории: «коренные москвичи», «натурализованные москвичи» и «замкадыши». Часть последу-

32. Дебре Р. Введение в медиалогию. М.: Праксис, 2009. С. 230–231.

ющего общего разговора вращалась вокруг антропологической проблемы: особые ли люди москвичи? Шоу сопровождалось коротким фильмом, в котором шла речь о том, что в России ничего, ни огурчика, не производится, но «аборигены»-не-москвичи, ненавидя Москву («высосали наш газ»), лишь смотрят телевизор («Битвы экстрасенсов») вместо того, чтобы биться за урожай. Тенденциозно подобранные кадры иллюстрировали тезис о том, что своим богатством и престижем Россия — сильно пьющая и крестьянская — обязана энергично работающим москвичам. Москву олицетворяли Рублевка и студенческая молодежь, Россию — пожилые женщины в платочках и дегенераты-пропойцы. Автор фильма — журналист Антон Красовский — согласился с ведущим Антоном Хрековым, что «Москве остальная Россия не нужна — кроме „трубы“», подчеркнув, что его сюжет о том, что «сто миллионов российского населения ничего не делают, просто пьют, поэтому давно пора избавиться от них». На заднем плане дискуссии была помещена схема МКАД: круг, отделяющий средоточие цивилизации от безбрежного варварства³³.

Мне в данном случае нет дела до того, что какие-то суждения либо сюжетные ходы передачи пошли в эфир в целях организации интересной дискуссии, и я отдаю себе отчет, что уже сам формат «лучшие журналисты НТВ приглашают в студию знаменитостей и обсуждают с ними острые темы» предполагает постмодернистскую настороженность. Я предпочту рассуждать с точки зрения «купившейся» зрительницы — в случае, если подвох входил в планы создателей шоу (в чем я не уверена). Я думаю, что его создатели внесли посильный вклад в глобальный процесс распространения невежества и недобрых чувств, обеспечивающий надежную занятость тысячам культурных «посредников». Последние повсеместно своей деятельностью побуждают не-российских авторов (и достаточно давно) задаваться таким вопросом: «Расщепляется ли мир на образованных и связанных социальными сетями носителей общественного мнения и пассивную и манипулируемую массу, зомбированную телевидением?»³⁴ Отдавая себе отчет в характере ангажированности канала, я все же думаю, что в производстве данного и близким ему по тематике шоу³⁵ помимо изобретательно-

33. См. URL: <http://youtu.be/LJFhYOVgCgI>.

34. *Terranova T.* Network Culture: Politics for the Information Age. L.: Pluto Press, 2004. P. 4.

35. В цикле «Таинственная Россия» этого телеканала Россия экзотизируется с такой лихостью, что недавно на глазах у обомлевших якутчан телегруппа канала снимала кадры об охоте на живых мамонтов. См.: Никифорова А. Необычайные приключения НТВшников в Якутии обернулись «необычайным» фильмом // Якутский информационный сайт

сти культурных антрепренеров проявились достаточно широко разделяемые людьми настроения. По крайней мере, «замкадыши», при всей пейоративности этого термина, иронически используются людьми в качестве самоназвания (сужу по разговорам в Сети и по ряду проведенных интервью). Вполне понятны также боль и тревога «коренных москвичей» (беру этот термин здесь в кавычки, так как обсуждаю классификацию, предложенную ведущим шоу) относительно того, что культурный слой столицы истончается: приезжие — просто самая «видимая» этому причина. Знакомы по художественной литературе и многочисленные (и многовековые) рефлексии отличий москвичей и петербуржцев как особых культурных типов. Кстати, всю условность использования таких векторов идентичности в качестве ключевых хорошо оттенил Владимир Топоров, говоря о «москвичах» Ростовых, неуютно чувствовавших себя на приемах в петербургских домах³⁶. Я имею в виду, что это определенность статуса и надежный доход спасали дворян от чрезмерных эмоциональных «инвестиций» в свою московскость.

Предложенная «НТВшниками» классификация и выразительная схема МКАД, за пределами которой обитают, как явствовало из названия шоу, совсем другие люди, может быть проанализирована с привлечением курса лекций «Нужно защищать общество», прочитанного М. Фуко в Коллеж де Франс. Мыслитель в нем настаивает, что центральная функция государства состоит в поддержании социального порядка посредством управления и регуляции населения. Этой задаче соответствует историко-политический дискурс, в котором в качестве хрупкого плода борьбы возникает истина, одним из имен которой является «расовая борьба» (те смыслы «расы», которые здесь обсуждает Фуко, более близки «нации»). Биовласть — это форма, которую принимают расовые различия, когда их проведение базируется на биологических, научных, медицинских предпосылках. Но Фуко не исключает (на это указывает его анализ социа-

YktNews.Ru. 26.06.2012. URL: <http://www.yktnews.ru/obshchestvo/3295-neobychainye-prikluycheniya-ntv-shnikov-v-yakutii-obernulis-neobychainym-filmom>.

36. Топоров В. Петербургский текст. М.: Наука, 2009. (Неуютно и как-то несколько неопределенно чувствовали себя в Петербурге и «москвичи» Ростовы. «Несмотря на то что в Москве Ростовы принадлежали к высшему обществу, сами того не зная и не думая о том, к какому они принадлежали обществу, в Петербурге общество их было самое смешанное и неопределенное. В Петербурге они были провинциалы, до которых не спустились те самые люди, которых, не спрашивая их, к какому они принадлежат обществу, в Москве кормили Ростовы». Лишь возвращение в Москву восстанавливало былую определенность, уверенность, привычность (С. 708).)

лизма), что возможны другие концептуальные средства рассмотрения постоянно меняющихся типов расизма. В этом смысле производство новых типов различий (и использование морализаторства для оправдания этих различий) также относится к расизму, что было продемонстрировано в рамках философского и социологического анализа последствий войны с террором в США в начале XXI столетия³⁷ и в дискуссиях, посвященных территориальному расизму³⁸.

Фуко, разбирая становление европейского юридически-антропологического дискурса, проводит различие между дикарями и варварами и так выразительно описывает последних:

Варвар — это человек, который не может быть понят и охарактеризован сам по себе, он может быть определен только по отношению к цивилизации, то есть как нечто, находящееся вне ее. Нет варвара, если где-либо нет точки цивилизации, по отношению к которой варвар оказывается внешним и против которой он борется. Итак, отношение варвара к цивилизации, — которую варвар презирает и одновременно желает, — можно определить как чуждость и постоянную войну. Нет варвара без цивилизации, которую он стремится разрушить и присвоить. Варвар — это всегда человек, который топчется у государственных границ, тот, кто уперся в городские стены³⁹.

«Варвар, упершийся в городские стены» — амбициозный провинциал, подумывающий о переезде в Москву и ничего хорошего столице не сулящий уже просто потому, что город перенаселен. Неизбежны ассоциации со старым аргументом, сформулированным еще Д. С. Миллем о том, что либеральные институты

37. *Mamdani M.* Good Muslim, Bad Muslim: America, the Cold War and the Roots of Terrorism. N.Y.: Pantheon Books, 2004; *Engle K.* Constructing Good Aliens and Good Citizens: Legitimizing the War on Terror(ism) // *University of Colorado Law Review*. 2004. № 75. P. 59–114.

38. *Kretsedemas Ph.* Immigrants and Race in the United States: Territorial Racism and the Alien/Outside. L.: Routledge, 2013; *Jensen S. Q., Christensen A.-D.* Territorial stigmatization and local belonging // *City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action*. 2012. Vol. 16. № 1–2. P. 74–92. Последний текст интересно проблематизирует цитируемое в моей статье исследование Лоика Вакана по городской маргинальности в той его части, которая касается использования идей Пьера Бурдьё о символическом насилии для развития понятия территориальной стигматизации. Рассмотрев один из слабо развитых районов Дании, авторы показывают, в отличие от выводов Лакана, что жители района не интернализируют территориальную стигму. Для моих целей, однако, более важно, что они демонстрируют роль государства в сложностях соединения людей с непопулярными местами обитания, а также распространенность культурного расизма.

39. *Фуко М.* Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс. М., 2005. С. 208.

не годятся для людей, стоящих на низших ступенях цивилизационной лестницы: с варварами можно справиться, только деспотически ими управляя. Назвав кольцевую дорогу «физическим» барьером, ведущий вызвал ассоциации с множеством стен, возведенных императорами для защиты империй от варваров (Великая Китайская стена), и с множеством городских стен. Мой тезис состоит в том, что, «антропологизируя» дискуссию, то есть направляя разговор в сторону того, насколько москвичи — особые люди и можно ли «московскость» успешно имитировать, создатели эффектно вывели государство и правительства всех уровней из числа критически обсуждаемых субъектов, задействованных в нарастании пьянства одних и экономических успехов других. Снятие с государства ответственности за социальную политику и перекладывание ее задач на плечи людей — одна из характеристик неолиберальной идеологии. Индивиду предлагается ответственно и самостоятельно решать задачи своей подготовки к включению в рынок труда по известному принципу «кто не успел, тот опоздал». Часть российских массмедиа, посредством рекламы «продвигая» услуги и места и символически закрепляя различия между людьми, включаются в процесс легитимации привилегий тех, кого Жиль Делёз назвал «бесстыдной расой наших хозяев»⁴⁰.

В противопоставлении креативной Москвы инертной провинции сказывается, безусловно, популярность идей Ричарда Флориды, в частности его аргумента, что венчурный капитал и экономика знания создаются в местах, где много талантливых людей. Социальные и культурные активы таких мест (и прежде всего столиц) привлекают все новые «сливки» нации. Тезис о том, что возможна все возрастающая обоюдная польза для лучших мест и лучших людей от гармоничного совпадения их привлекательности, отвечающий запросу неолиберализма на «позитивность» и успешную продажу личной продуктивности (при полном игнорировании проблемы «цены» регионально неравномерного распределения и роста нематериального труда), и до и после этого шоу воспроизводился многократно. Однако в Северной Америке и иных регионах успех научного предпринимателя Ричарда Флориды, как и более общее (и вполне отвечающее неолиберальным задачам) прославление «живучести» (*resilience*) и энергии крупных городов, оспаривается публикацией большого количества критической урбанистической и культурной продукции. Образы столиц как искрящихся креативностью метрополисов методично корректируются авторами попу-

40. Делёз Ж. Post Scriptum к «Обществам контроля» // Делёз Ж. Переговоры. 1972–1990. СПб.: Наука, 2004. С. 231.

лярных и научных книг, к примеру Майком Дэвисом, который в эссе «Крепость Лос-Анджелес»⁴¹ показал, как страх беспорядков и корпоративные интересы привели к нарастанию сегрегации в столице Калифорнии, к изображению городских маргиналов как чуждых «других», что было достигнуто с помощью и при поощрении разнообразных медиарепрезентаций того, что Дэвис называет «географией страха». Другой вариант воплощения страхов среднего класса описывает Нил Смит в «Новом городском фронтире» (1996). Если в Лос-Анджелесе маргиналов удерживали в отведенных границах, стигматизируя с помощью масс-медиа и устраивая полицейские облавы, то в Нью-Йорке 1990-х (когда началось правление Руди Джулиани) на них, вытесняя, нападали. Имеется в виду печально известная политика «нулевой терпимости», с помощью которой Нью-Йорк очистили от всего, что не вписывалось в представления инвесторов, туристов и благополучных жителей о нормальном городе. Смит увидел в городе «реванш» обеспеченных слоев: агрессивную джентрификацию надо было оправдывать, и делалось это с помощью такого образа, как «фронтир»⁴². Он использовался для описания «регенерации» (очистки и переделки) запущенных и «враждебных» районов города в соответствии с ценностями среднего класса. Лучшие места в городе должны быть защищены от присутствия «не тех» людей. Эти настроения и воплощающая их политика анализируются Смитом и другими в контексте перехода городских правительств от либеральной политики, включавшей законодательные меры, направленные на ослабление бедности и пропорциональное распределение социальных благ, к политике неолиберальной, включающей дискурсивные стратегии «места» в отношении сексуальных меньшинств и рабочего класса, политической корректности и феминизма, граффитистов и сквоттеров, «неуправляемой» молодежи и бездомных. Джулиани нанял немалое число культурных «посредников» для того, чтобы негативные стороны городской жизни были объяснены и оправданы с помощью «виновных в городском упадке» — всех вышеуказанных категорий. В других странах были отмечены схожие тенденции. Так, на примере Глазго было хорошо показано, что легитимация джентрификации простирается так далеко, что требует от горожан следования «общепринятым» правилам поведения, согласующимся с политическими и культурными

41. *Davis M. Fortress Los Angeles: The Militarization of Urban Space// Variations on a Theme Park: The New American City and the End of of Public Space/ M. Sorkin (ed.). N.Y.: Noonday Press, 1992. P. 154–180.*

42. *Smith N. The New Urban Frontier: Gentrification and the Revanchist City. L.: Routledge, 1996.*

ми измерениями городского стиля жизни, а главное, коммерции, при этом «новые городские гламурные зоны скрывают жестокую демаркацию победителей и побежденных, включенных и исключенных»⁴³. В связи с этими последними идеями и наблюдениями я хочу подчеркнуть, что в России культурная продукция, отмеченная «реваншистскими» снобизмом, высокомерностью и идентификацией с самыми обеспеченными слоями, заслуживает критический разбор происходящего в городах. В публикациях *TimeOut* приезжим указывают на «треники», сандалии, надетые на носки, манеру сидеть на корточках, дурно остриженные ногти, воспроизводя тем самым неотъемлемую от «процесса цивилизации» (Элиас) логику надзора, контроля за телесностью, очищения значимых мест от «других». Охранники, существующие в Москве в невероятных количествах, не входят в фокус внимания, а те, от кого они и так надежно защищают центральную Москву, подвергаются дополнительной стигматизации со стороны массмедиа. Тем самым последние включаются в неолиберальное конструирование включения и исключения, то есть регуляции доступа к возможностям и правам. Одним из результатов этого является то, что в случае, если с «варварами» и приходится делить пространство, оно воспринимается людьми как «грязное», как такое, которого нужно избегать.

В таких стигматизирующих материалах массмедиа (и сопровождающих их публикацию/эфир форумах) к обычным призывам к соблюдению норм цивилизованного поведения, сопровождающимся выражением «ассимиляционистской» уверенности в том, что есть какие-то единые нормы, успешно представленные доминирующим населением, добавляются оценки остальности-продвинутости и по шкале потребительской цивилизованности. Если одни призывают: «Девушкам перед приездом в Москву нужно обязательно смотреть „Модный приговор“, а еще лучше — принять в нем участие и быть переодетой лично Эвелиной Хромченко»⁴⁴, то другие сожалеют, что не все прониклись привлекательностью потребительских кредитов. Приведу суждение юной блоггерши, которую оскорбило, что ее вышедшая замуж за ярославского печника (и в целом преуспевающая) подруга ездит на скромной машине:

Скажите мне, страх перед кредитами — это общая проблема всех провинциалов? Яна утверждает, что да. А я вот думаю, что она,

43. MacLeod G. From Urban entrepreneurialism to a “Revanchist City”? On the Spatial Injustices of Glasgow’s renaissance // *Antipode*. 2002. № 34 (3). P. 605–606.

44. Кодекс москвича для приезжих // *TimeOut* Москва. 18.06.2010. URL: <http://www.timeout.ru/journal/feature/11843/>.

глупенькая, жалеет его. А Гриша просто жмот и видит, что ему дают слабину, поэтому позволяет себе такие вещи. Если мой мужчина мне подарит «Приору», это будет означать конец наших отношений. Но он никогда так ужасно не поступит. Правда, он и не провинциал⁴⁵.

Разрывом в уровне доходов знаменита и московская жизнь, но создатели шоу «Замкадыши» призывали публику обсудить, где проходит граница между москвичом и не-москвичом, пригласив среди прочих в качестве эксперта косметического хирурга — отсылая к стандартам самосовершенствования, принятым в среде обеспеченных. Такого же рода логика воплощена и в «20 симптомах настоящего москвича», предложенных журналом *TimeOut*. Среди маркеров «подлинности» — потребление органической еды, затерянная дома «годовая карта в фитнес за 50 тысяч рублей» и самое в обсуждаемом мною контексте трогательное: «...обходите стороной оба Арбата: опять там эти маргиналы, попрошайки и уличные художники с иностранцами»⁴⁶. Неочевидность предложенных журналом критериев отразилась в более чем двух тысячах «постов», что этот материал теперь сопровождают.

Если в образ коренного москвича, дорогой для москвичей же и разделяемый многими за пределами Москвы, справедливо включено представление о цивилизующем потенциале длительного проживания в крупном городе, то образ москвича, популяризируемый некоторыми массмедиа⁴⁷, включает представление о цивилизованности, основанное на исключении других⁴⁸. У него — богатая история, восходящая к временам, когда складывался проект Просвещения. Мысль о том, что те или другие группы должны быть специально развиты для того, чтобы отвечать цивилизованным нормам, пронизывает проект модерности, и на город в этом смысле часто возлагались особые надежды. Норберт Элиас, как известно, продемонстрировал, что цивилизованность — конструкт привилегированных классов для воспроизводства этой привилегированности и исключения других, а в «Красном и черном» Стендаля мы читаем о том, что высокие стандарты утонченности, изысканности, обходительно-

45. *akutagawa_r*. Почему замкадыши так боятся кредитов? // LiveJournal.Com. 28.06.2012. URL: <http://akutagawa-r.livejournal.com/15382.html>.

46. 20 симптомов москвича // TimeOut Москва. 29.04.2010. URL: <http://www.timeout.ru/journal/feature/10463/>.

47. Я не рассматриваю здесь большую работу, проделанную, чтобы образ москвича сделать как можно более разнообразным, выполненную такими изданиями, как «Большой город», «Русская жизнь» и т. д.

48. *Boyd R*. The Value of Civility? // *Urban Studies*. 2006. Vol. 43. № 5/6. P. 863–878.

сти, что поддерживались в Париже времен эпохи Реставрации, надежно служили сдерживанию мобильности молодых выскочек вроде Жюльена Сореля⁴⁹. Но в европейской культуре такое снобистское представление о цивилизованности, что развивал еще, к примеру, Эдмунд Берк, сочеталось и с иным. Это иное представление соединяло хорошие манеры и повседневный демократизм, то есть реализуемое в поведении и высказываниях допущение по отношению к остальным, что мы — не лучше, чем они. В этом отношении часто вспоминают Гоббса. Автор «Левиафана» неспособность следовать позитивному моральному обязательству относиться к другим как равным считал угрозой социальному порядку, объясняя:

Так как всякое проявление ненависти или презрения вызывает борьбу, поскольку большинство людей в таких случаях предпочитают скорее рисковать своей жизнью, чем оставаться неотмщенными, то мы можем на восьмом месте установить в качестве естественного закона правило, что ни один человек не должен делом, словом, выражением лица или жестом выказывать ненависть или презрение другому. Нарушение этого закона обычно именуется нанесением оскорбления⁵⁰.

Мыслитель порицал «гордость» как нарушение правила признавать других равными себе от природы», «надменность» как требование для себя того, что ты не желаешь предоставлять другому, но трудно представить, что в таком пронизанном одержимостью статусом обществе, как современное российское, пропаганда подобной азбуки политического поведения сулит какому-то издаванию либо передаче большую популярность. Развязать свару, побудив людей выяснять отношения по поводам, весьма далеким от их истинных социальных проблем, направить недовольство по безопасному для властей руслу — другое дело.

Город, столичный либо нет, если позволительно здесь это одушевление, «обтесал» и сделал множество людей в России. Цивильность и социальная мобильность давно увязаны. Но, цивилизуя все новых горожан и обрекая их, через соревнование с себе подобными, на личный рост, город долгое время выполнял очень важную функцию — воспитание гражданской, «цивильной» культуры в своих обитателях. Художники, философы и урбанисты редко бывают единодушны, но сколько усилий потрачено ими всеми на демонстрацию значимости общественных, публичных мест! Такие места одновре-

49. *Idem*. Politesse and Public Opinion in Stendhal's Red and Black // European Journal of Political Theory. 2005. № 4. P. 367–392.

50. Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001. С. 106–107.

менно и собственно место, и зрелище, и место встречи разных людей — вот почему они открывают доступ к душе города. От описанных Хабермасом кофеен до воспетой Джейн Джейкобс Хадсон-стрит в Гринич Вилледж, от Невского Гоголя, Достоевского и Маршала Бермана до Александерплац Деблина и Фасбиндера — в них можно было чувствовать одновременно, по словам Шарон Зукин, «цивильность, безопасность, такт и доверие». Публичные места, в которых у горожанина есть шанс встретиться с незнакомцами, места, которые принадлежат людям вне связи с их классом, полом, этносом, сексуальной ориентацией, потому и полагались самыми значимыми, что снабжали людей повседневной социальной уверенностью. Принципы урбанистического анализа сегодня резонно воплощаются в противопоставлении крупных торговых центров и прочих мест, где уютно только привилегированным людям, иным общественным местам. Это противопоставление не свободно от ностальгии, так как общественные места исчезают повсеместно под напором джентрификации, а с ними исчезает и значимая возможность включиться в общественную жизнь, гражданскую и коммерческую. Ограниченный цивилизующий потенциал российской городской жизни сегодня соединяется с замороженной социальной мобильностью, поэтому куда безопаснее — я снова о стратегиях культурных посредников — подсмеиваться над теми, кто не способен отвечать требованиям неолиберального потребления.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Продуцирование уверенности в том, что если модернизация осуществляется, то это всегда делается в пользу всех (по крайней мере в длительной перспективе), дополняется сегодня тезисом о благотворности глобализации. Тем самым и в академической литературе, и в культурных репрезентациях воспроизводится допущение о том, что выиграть от роста и развития могут все (страны, регионы, города и люди) при условии соблюдения ими ряда условий. В числе этих условий — открытость рынку, создание необходимых институтов (когда речь идет о местах) и приобретение необходимых навыков и изменение систем ценностей (когда речь идет о людях). Несоблюдение субъектами развития этих условий (неизбежное в условиях неравномерного пространственного развития) описывается нарративами «обвини жертву», суть которых — в переносе ответственности за отставание на тех, кто структурными противоречиями нередко лишен возможности что-то предпринять.

Мой аргумент заключается в том, что отношения российских центра и периферии необходимо анализировать, принимая во внимание, что не существует внутренне согласованной и систематической теоретической рамки и убедительного нарратива, в которые современное развитие России можно было бы уложить. Между тем в современном развитии мира над всеми теориями и нарративами главенствует развивающаяся история неолиберальной глобализации. Ее сопровождает активное производство дискурсов — академических и популярных, теснее взаимодействующих между собой, чем кажется на первый взгляд. Если мы признаем, что капитализм в России — не только бюрократический и сырьевой, но и неолиберальный, то надо признать, что процессы включения и исключения идут в нем иначе, чем на его первых стадиях, что в нем стабильная занятость одних сосуществует (и в столицах, и не в столицах) с временной работой без всяких льгот и гарантий других, что глобальная циркуляция представлений о хорошей жизни сочетается с нарастанием глобальной же неопределенности, что рост классовых разрывов сочетается с исчезновением классовой солидарности. Воспроизводство частью образованных слоев России нарративов «обвини жертву» сложившийся вариант неравномерности развития лишь натурализует, препятствуя его оспариванию.

REFERENCES

- 20 simptomov moskvicha [20 symptoms of Muscovite]. *TimeOut Moscow*, April 29, 2010. Available at: <http://www.timeout.ru/journal/feature/10463/>.
- akutagawa_r. Pochemu zamkadyschi tak boiatsia kreditov? [Why those outside Moscow Ring Road are afraid of loans?] *LiveJournal.Com*, June 28, 2012. Available at: <http://akutagawa-r.livejournal.com/15382.html>.
- Amin S. Accumulation and Development: A Theoretical Model. *Review of African Political Economy*, 1974, no. 1, pp. 9–26.
- Amin S. The Millenium Development Goals: a Critique from the South. *Monthly Review*, 2006, vol. 57, no. 10. Available at: <http://monthlyreview.org/2006/03/01/the-millennium-development-goals-a-critique-from-the-south>.
- Bourdieu P. *Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 1984.
- Boyd R. Politesse and Public Opinion in Stendhal's Red and Black. *European Journal of Political Theory*, 2005, no. 4, pp. 367–392.
- Boyd R. The Value of Civility? *Urban Studies*, 2006, vol. 43, no. 5/6, pp. 863–878.
- David Harvey speaking to Occupy London. *OccupyLondon.Com*, November 15, 2011. Available at: <http://occupylondon.org.uk/david-harvey-speaking-to-occupy-london/>.
- Davis D.E. Cities in Global Context: A Brief Intellectual History. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2005, vol. 29, no. 1.

- Davis M. Fortress Los Angeles: The Militarization of Urban Space. *Variations on a Theme Park: The New American City and the End of of Public Space* (ed. M. Sorkin), New York, Noonday Press, 1992, pp. 154–180.
- Debray R. *Vvedenie v medialogiiu* [Introduction à la médiologie], Moscow, Praxis, 2009.
- Deleuze G. *Post Scriptum k "Obshchestvam kontroliia"* [Post-scriptum sur les sociétés de contrôle]. *Pourparlers, 1972–1990*, Saint Peresburg, Nauka, 2004.
- Derrida J. Ot ekonomii ogranichennoi k ekonomii vseobshchei [De l'économie restreinte à l'économie générale]. *Pis'mo i razlichie* [L'écriture et la différence], Moscow, Academic Project, 2000, pp. 400–445.
- Drugoi. Neformat [Nonformat]. *LiveJournal.Com*, August 11, 2012. Available at: <http://drugoi.livejournal.com/3757932.html>.
- Engle K. Constructing Good Aliens and Good Citizens: Legitimizing the War on Terror(ism). *University of Colorado Law Review*, 2004, no. 75, pp. 59–114.
- Foucault M. *Nuzhno zashchishchat' obshchestvo. Kurs lektsii, pročitannykh v Kollezhe de Frans* [Il faut défendre la société. Cours au Collège de France], Moscow, Nauka, 2005.
- Gandy M. Zones of Indistinction: Bio-Political Contestations. *Cultural Geographies*, 2006, no. 13.
- Giddens A. *The Third Way and its Critics*, Cambridge, Polity Press, 2000.
- Harvey D. Editorial: The Geographies of Critical Geography. *Transactions of the Institute of the British Geographers*, 2006, no. 31.
- Hobbes Th. *Leviathan*, Moscow, Mysl', 2001.
- Jensen S. Q., Christensen A.-D. Territorial stigmatization and local belonging. *City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action*, 2012, vol. 16, no. 1–2, pp. 74–92.
- Karimova A. Khu iz nasha oppozitsiia? [Who are our opposition protesters?]. *Echo of Moscow, Blogs*, August 21, 2012. Available at: <http://echo.msk.ru/blog/karimova/921915-echo/>.
- Kiely R. Globalization and Poverty, and the Poverty of Globalization Theory. *Current Sociology*, 2005, vol. 53, no. 6, pp. 895–914.
- Kodeks moskvicha dlia priezhzhikh [Muscovite Code for visitors]. *TimeOut Moscow*, June 18, 2010. Available at: <http://www.timeout.ru/journal/feature/11843/>.
- Koolhaas R. Junkspace. *October*, 2002, no. 100.
- Krätke S. The Metropolization of the European Urban system in the Era of Globalization. *Cities in Globalization* (eds. P. J. Taylor, B. Derudder, P. Saey, F. Witlox), London, Routledge, 2006, pp. 150–180.
- Kretsedemas Ph. *Immigrants and Race in the United States: Territorial Racism and the Alien/Outside*, London, Routledge, 2013.
- MacLeod G. From Urban entrepreneurialism to a "Revanchist City"? On the Spatial Injustices of Glasgow's renaissance. *Antipode*, 2002, no. 34 (3).
- Mamdani M. *Good Muslim, Bad Muslim: America, the Cold War and the Roots of Terrorism*, New York, Pantheon Books, 2004.
- Marx K. Capital, vol. 2. *Collected works* (K. Marx, F. Engels), 2nd ed., vol. 24.
- Mestrovic S. *Anthony Giddens: The Last Modernist*, New York, Routledge, 1998.
- Nefedova T., Treivish A. Teoriia "differentsial'noi urbanizatsii" i ierarkhiia gorodov v Rossii na rubezhe XXI veka ["Differential urbanization" theory and the hierarchy of cities in Russian at the turn of 21th century]. *Problemy urbanizatsii na rubezhe vekov* [Urbanization issues between two ages] (ed. A. G. Makhrov), Smolensk, Ėcumene, 2002, pp. 71–86.
- Nietzsche F. *Pis'ma* [Letters], Moscow, Cultural revolution, 2007.
- Nikiforova A. Neobychainye priklucheniia NTVshnikov v Iakutii obrnulis' "neobychainym" fil'mom [Incredible adventures of "NTVshniks" ended up

- with “remarkable” movie]. *YktNews.Ru*, June 26, 2012. Available at: <http://www.yktnews.ru/obshchestvo/3295-neobychainye-priklucheniya-ntv-shnikov-v-yakutii-obernulis-neobychainym-filmom>.
- Robinson J. *Ordinary Cities. Between Modernity and Development*, London, Routledge, 2006.
- Sassen S. *The Mobility of Labor and Capital: A Study in International Investment and Labor Flow*, New Rochelle, NY, Cambridge University Press, 1990, pp. 135–152.
- Skovoroda E. Russkii gradus [Russian alcohol proof]. *Colta.Ru*, 10.08.2012. Available at: <http://www.colta.ru/docs/3932>.
- Smith N. *The New Urban Frontier: Gentrification and the Revanchist City*, London, Routledge, 1996.
- Smith N. *Uneven Development: Nature, Capital and the Production of Space*, Athens, University of Georgia Press, 1984.
- Taylor P. J., Derudder B., Saey P., Witlox F., eds. *Cities in Globalization. Practices, Policies and Theories*, London, Routledge, 2006.
- Terranova T. *Network Culture: Politics for the Information Age*, London, Pluto Press, 2004.
- Toporov V. *Peterburgskii tekst* [Petersburg text], Moscow, Nauka, 2009.
- Trubina E. *Gorod v teorii. Opyty osmysleniia prostranstva* [The city in theory: Experiments in understanding spaces], Moscow, NLO, 2011.
- Wacquant L. *Gorodskaiia marginal'nost' griadushchego tysiacheletia* [Urban Marginality in the Coming Millennium. Neprikosnovennyi zapas [Reserve stock], 2010, no. 2 (70). Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/va24.html>.
- William R. *Blaming the Victim*, New York, Vintage, 1976.
- Wodak R. Discourse and Politics: The Rhetoric of Exclusion. *The Haider Phenomenon in Austria* (eds. R. Wodak, A. Pelinka), New Brunswick, NJ, Transaction Publishers, 2002.
- Zubarevich N. *Sovremennaiia Rossiia: geografiia s arifmetikoi* [Contemporary Russia: Geography and Arithmetic]. *Otechestvennye zapiski* [Domestic notes], 2012, no. 2. Available at: <http://www.strana-oz.ru/2012/1/sovremennaya-rossiya-geografiya-s-arifmetikoy>.